

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 270–282, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-270-282

Русско-калмыцкие переговоры и заключение шерти 1677 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

0000-0002-4140-8358. E-mail: [tvt75\[at\]mail.ru](mailto:tvt75[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Тепкеев В. Т., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются обстоятельства русско-калмыцких переговоров и заключения шерти 1677 г. *Целью* исследования также является введение в научный оборот новых источников по истории русско-калмыцких отношений XVII в. Основным *материалом* для данной работы послужила посольская книга № 5, хранящаяся в фонде 119 («Калмыцкие дела») Российского государственного архива древних актов. *Результаты.* Заключение договора 1677 г. происходило в атмосфере настороженности и недоверия с обеих сторон. Главными гарантами с калмыцкой стороны вместе с Аюкой выступали родной брат Ике-Замса и дербетский тайша Солом-Церен. *Выводы.* Шерть 1677 г. во многом повторяла основные принципы шерти 1673 г., но в нее были добавлены некоторые дополнительные статьи: во-первых, значительно ущемлялись внешнеполитические связи тайшей; во-вторых, всех захваченных в полон русских людей в 1675–1677 гг. тайши обязывались вернуть, а виновных наказать; в-третьих, более четко были сформулированы протокольные условия приема Аюкой царских посланников и письменных посланий.

Ключевые слова: исторические источники, русско-калмыцкие отношения, калмыки, шерть, Астрахань, К. О. Щербатов, Аюка-хан

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Тепкеев В. Т. Русско-калмыцкие переговоры и заключение шерти 1677 г. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 2. С. 270–282. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-270-282

Russian-Kalmyk Negotiations and the Shert' of 1677

Vladimir T. Tepkeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

0000-0002-41408358. E-mail: [tvt75\[at\]mail.ru](mailto:tvt75[at]mail.ru)

© KalmSC RAS, 2024

© Tepkeev V. T., 2024

Abstract. *Introduction.* The article discusses circumstances behind the Russian-Kalmyk negotiations and *Shert'* ('oath/treaty of allegiance') of 1677. *Goals.* The study seeks to introduce some newly discovered sources dealing with seventeenth-century Kalmyk-Russian relations. *Materials.* The work focuses on Ambassadorial Book 5 contained in Collection 119 ('Kalmyk Affairs') of the Russian State Archive of Ancient Acts. *Results.* The Treaty of 1677 and related preceding arrangements were characterized by mutual suspicion and mistrust. The main Kalmyk-party guarantors — besides Ayuka proper — were Noyon Yeke-Zamsa of Torghuts and Tayiji Solom-Tseren of Dorbets. *Conclusions.* The *Shert'* of 1677 would largely duplicate provisions of the 1673 one. However, it was supplemented with a few points, namely: 1) external political contacts of Kalmyk noblemen would be essentially limited, 2) all ethnic Russian captives of 1675–1677 were to be returned and offenders be punished, 3) diplomatic protocol and procedures to be henceforth followed by Ayuka with Russian Tsar's ambassadors and written messages were articulated in greater detail.

Keywords: historical sources, Russian-Kalmyk relations, Kalmyks, *shert'*, Astrakhan, K. Shcherbatov, Khan Ayuka

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Tepkeev V. T. Russian-Kalmyk Negotiations and the *Shert'* of 1677. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 270–282. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-270-282

1. Введение

Данная статья является продолжением серии публикаций [Тепкеев 2010; Тепкеев 2011; Тепкеев 2013] об одном из важных этапов в истории русско-калмыцких отношений, а именно о заключении в XVII в. шертей, которые сыграли существенную роль в становлении Калмыцкого ханства и принятии калмыками российского подданства. Публикация таких материалов актуальна и востребована современным обществом, поскольку они содержат богатую историческую информацию об исследуемом периоде.

Во второй половине XVII в. продолжался процесс укрепления Московского государства как единого и централизованного; в его форме правления наметилась тенденция перехода от сословно-представительной монархии к абсолютной. В этих исторических условиях вносились и изменения в правовое положение национальных окраин и в их взаимоотношения с Москвой. По мнению К. Н. Максимова, если ранее договорные акты оформляли, уточняли, подтверждали принятие калмыками российского подданства, то шерть 1677 г. внесла изменения в правовое положение Калмыцкого ханства как находящегося в составе России [Максимов 2002: 98].

Формальным поводом заключения новой шерти стала смена власти в Москве. 29 января 1676 г. скончался второй русский царь

из династии Романовых — Алексей Михайлович «Тишайший». На следующий день новым царем был объявлен его 15-летний сын — Федор (Феодор) Алексеевич (1661–1682 гг.), который с рождения был весьма слаб и болезнен. Однако к середине 1676 г. Федор Алексеевич сумел взять власть в свои руки, отстранив от дел и отправив в ссылку боярина Артамона Матвеева, фактически руководившего государством на первых порах после смерти Алексея Михайловича.

Смена власти привела и к тому, что в русско-калмыцких отношениях в очередной раз остро встал вопрос о «даче» новой шерти калмыцкими тайшами. Предыдущая шерть 1673 г., данная Аюкой на верность усопшему монарху, требовала обновления, но уже и перед молодым монархом.

Но была и другая причина. В этот период Москва готовилась к очередному этапу войны за Правобережную Украину с Турцией и Крымом, и привлечение калмыков в новую военную кампанию вновь стало актуальной темой в правительственных кругах. С назначением в 1676 г. воеводой в Астрахань боярина Константина Осиповича Щербатова связывались определенные надежды, в том числе в полной мере — и решение калмыцкого вопроса. Выбор этой кандидатуры, по всей видимости, был обусловлен тем, что К. О. Щербатов в свое время участвовал в подавлении восстания Степана Разина, по-

этому он неплохо знал положение в южном регионе и особенности «калмыцких дел».

К приведению Аюки к новой шерти подталкивали и поступавшие сведения о связях калмыцкого тайши с крымским ханом. Например, в 1676 г. в Москву об этом сообщал украинский гетман Самойлович: «понеже хан [крымский] имеет у них [калмыков] своего дружного человека, Юсуп мурзу, который давно зашел с несколькою тысяч своей орды в Калмыки, а там, с ними живучи, о всем к хану пишет и советами своими крепкими меж калмыки часто замыслы воинские отворачивает; и для того от хана великие к нему на всякой год доходят поминки» [Акты 1842: 506–507]. В Москве весьма заинтересовались этой информацией, и в Астрахань, и тайшам был отправлен запрос о некоем «Юсуп-мурзе» [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 634; Акты 1882: 555, 558]. Здесь, скорее всего, речь идет о ногайском мирзе Юсуфе Уракове, который, поссорившись с крымцами, вместе с братом Дивеем ушел в Кабарду. В 1672 г. в результате крымского вторжения в Кабарду они бежали под Астрахань и пристали к калмыкам [Акты 1842: 506–507].

Целью публикации является введение в научный оборот исторических сведений о русско-калмыцких переговорах, предшествовавших подписанию шерти 1677 г., а также текст самого документа.

2. Материалы и методы

Источниковой базой к статье послужили документы фонда 119 («Калмыцкие дела») Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Основным материалом стали сведения из посольской книги № 5, которая состоит из рукописи в двух частях и на 85 листах. Ее полное название следующее: «1676 (7184) авг. 18–20 генв. 1677. Книга, содержащая в себе: I. Статейный список астраханского воеводы, окольниково, князя Константина Щербатова с товарищи, бытности их на съезде с калмыцкими тайшами Аюкою, Соломсеренем и со всеми их родственниками под Астраханью для подкрепления нарушенных ими, калмыками, прежних договоров и для приведения их к присяге в верности царю Федору Алексеевичу; II. Шертная помянутых тайшей запись (от 15 генв. 1677 года) о их верности, подданстве и послушании к российским госуда-

рям, и о нечинении обид, налогов и грабежу российским людям» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5]. В настоящее время этот документ полностью опубликован и введен в научный оборот [Посольские 2024: 182–224].

Впервые текст шерти или «шертной записи» был опубликован во втором томе «Полного собрания законов Российской империи» [ПСЗРИ 1830: 80–86]. В настоящей статье особый упор делается на описание событий, которые предшествовали подписанию шерти 1677 г., и анализу самого текста документа.

Достоверность представленных архивных сведений проверялась путем выявления его происхождения, сравнения и сопоставления с другими источниками, содержащими похожую информацию.

3. Начало переговорного процесса

В августе 1676 г. К. М. Черкасский прибыл с Терека в Астрахань и попросил воеводу К. О. Щербатова отправить посыльных к Аюке и договориться с ним о встрече, «чтоб им ехать великого государя на службу — на Крым и на крымские улусы» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 2].

В это время улус Аюки кочевал в районе Яика, где его и встретил отправленный к нему голова казанских стрельцов Микита Ступишин. При встрече Ступишин передал ему желание К. М. Черкасского лично встретиться и наказ астраханского воеводы К. О. Щербатова прибыть в район Астрахани: «чтоб он, Аюкай, и все тайши прежние договорные свои статьи подкрепили и великому государю, царю и великому князю Федору Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, его царскому величеству вновь шерть учинили» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 3–3об.].

Однако Аюка не спешил на войну против Крыма, так как у него на восточном направлении возникла довольно серьезная угроза — появление на ближайших подступах к его кочевьям «черных калмыков» под началом некоего тайши Дорджи. Аюка планировал выехать на восток и лично с ним встретиться, чтобы обсудить условия мирного сосуществования. И только после этого обещал заключить новую шерть [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 3об.].

1 октября 1676 г. К. М. Черкасский выехал из Астрахани в калмыцкие улусы, где

пробыл до 13 ноября. Князь застал улус Аюки на Яике и призвал его вернуться на ближние к Астрахани кочевья, обещая от воевод полную безопасность. Вполне доверительные отношения между ними возымели свое действие, и калмыцкие владельцы стали постепенно перекочевывать к Волге. Прибывшие с К. М. Черкасским калмыцкие посланники Аюки, Акинъ и Боян также получили от астраханских властей заверение в неизблемости к Аюке «государевой милости» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 5–5об.].

23 декабря 1676 г. в Астрахань из Посольского приказа пришла грамота государя Феодора Алексеевича с указом о приведении к шерти Аюки и всех калмыцких владельцев с их улусными людьми и представлении им государева жалованья. Это стало сигналом к тому, что К. М. Черкасский 27 декабря вновь выехал из Астрахани в калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 6об.–7об.].

3 января 1676 г. князь вернулся в Астрахань с сообщением о готовности Аюки в ближайшие дни дать шерть под Астраханью. В это время калмыцкий тайша кочевал на ближних кочевьях, в двух днях пути от Астрахани. 6 января сюда прибыли уже его представители — Чекула Биликтин с товарищами. Они сообщили о скором приезде Аюки под Астрахань [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 8об.–9об.].

9 января Аюка снова присылает в Астрахань сообщение о своем приближении к городу через своих представителей — Алдара Сухая с товарищами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 10–10об.].

11 января князь К. М. Черкасский выезжает из Астрахани в калмыцкие улусы, чтобы встретиться с Аюкой и ускорить процесс его встречи с астраханскими воеводами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 11–11об.].

13 января от К. М. Черкасского в Астрахань приезжает Афтамон Репьев, который сообщает, что Аюка находится в пяти верстах. Калмыцкий тайша предполагал быть на съезде практически со всеми калмыцкими владельцами, за исключением брата Ике-Замсы и тайши Батыра. Их он отправил с отрядами для охранения улусов на границе с Крымским ханством. Другого брата, Бага-Замсу, Аюка оставил на прежнем месте кочевания под Астраханью. Однако он просил воевод о том, чтобы на съезде были

представители отсутствовавших владельцев, а также чтобы им выдали от государева жалованья — по сукну [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 11–12].

14 января в Астрахань прибыли новые представители Аюки — Эрке Батма с товарищами. Они поставили в известность воевод о том, что Аюка остановился в урочище Заповедник и готов к встрече [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 12–12об.].

Прибывший из калмыцких улусов князь К. М. Черкасский сообщил воеводам, что Аюка, прибыв к Астрахани, не спешит прибыть на съезд: «и к Астрахани не едет за тем, что де великого государя жалованье за шертованье дано ему будет будто менши прежнего» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 12об.–13]. Взяв на себя ответственность, К. М. Черкасский заверил Аюку, что жалованье он получит не меньшее, какое он получил в 1673 г., заключив предыдущую шерть с воеводой Я. Н. Одоевским [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 12об.–13].

В день заключения шерти, 15 января, в Астрахань прибыли представители Аюки, Замсы, Солом-Церена и Батыря — Багын-Кашка с товарищами. Получив подарки, они вернулись к своим владельцам, чтобы окончательно их заверить в полной готовности астраханской стороны к проведению русско-калмыцкого съезда [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 13об.].

В это время астраханский воевода Константин Осипович Щербатов отдал указание построить из рогаток импровизированный городок на прежнем месте заключения договора, где Аюка в 1673 г. шертовал при воеводе Я. Н. Одоевском, — на Соляной протоке близ Астрахани. Командирам московских и казанских стрельцов Матвеем Сипягину, Миките Мамонину и Миките Ступишину было приказано поставить своих стрельцов строем возле городка, в центре которого стоял шатер, где и предполагалась сама встреча [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 13об.–14].

Приказав усилить все подходы к Астрахани, К. О. Щербатов в сопровождении думного дворянина К. О. Хлопова, дьяков С. Румянцова и А. Симанова выехал на правый берег Волги к месту съезда, шатру, располагавшемуся у Соляной протоки. Пригласить Аюку прибыть на съезд, ничего не опасаясь, отправили астраханца Ивана Фе-

дотьева. Тайша остановился в семи верстах от Астрахани, в урочище Караузек [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 14–16об.].

В этот же день Аюка, Солом-Церен и другие владельцы в сопровождении К. М. Черкасского прибыли к месту съезда, остановившись в двух верстах от города. Однако в ходе обмена посланниками между сторонами тут же возникла заминка по поводу присутствия возле шатра большого количества астраханских ратных людей, что весьма смутило калмыков. Они выдвинули условие о сокращении численности астраханцев, «чтоб им самим о съезде договор учинить и словами своими уверитца» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 17–18об.]. В противном случае калмыцкие владельцы отказывались от встречи [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 17–18об.].

В итоге Аюка и Солом-Церен, подъехав к шатру, согласились в него войти, не беспокоясь за свою безопасность. Произошло это благодаря определенным гарантиям со стороны воеводы К. О. Щербатова и князя К. М. Черкасского, которые уверили калмыцких владельцев, что в шатре и вблизи него не будет никаких вооруженных людей. Тайши во главе с Аюкой вошли в шатер и начали переговоры [Батмаев 1993: 189].

Начало встречи ознаменовалось традиционной темой разговора для того времени, а именно: вопросами о здоровье царя Федора Алексеевича и его малолетних братьев, Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 20об.–21об.].

После этого стороны перешли уже к обсуждению конкретных вопросов и проблем в русско-калмыцких отношениях, накопившихся за последние несколько лет. Переговоры проходили в шатре за столом в следующем порядке: по правую сторону сидели К. О. Щербатов, К. М. Черкасский, К. О. Хлопов, С. Румянцов и А. Симанов; по левую сторону стола располагались Аюка и Солом-Церен, позади них стояли «владельцы и родственные и лутчие их улусные люди» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 21об.–22].

4. Переговоры и заключение шерти

Астраханские воеводы напомнили Аюке и Солом-Церену, что в прошлые годы, при правлении государя Алексея Михайловича, «учинились в вечном подданстве» Дайчин, Мончак, Солом Церен и другие калмыцкие

и ногайские владельцы, заключив шерти в урочище Берекети при князе и воеводе Григории Сунчалеевиче Черкасском. В 1673 г. Аюка также лично подтвердил прежние договоренности своего деда и отца в урочище Соляная протока, но уже при князе и воеводе Якове Никитиче Одоевском [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 22об.–23].

Напоминание астраханскими воеводами о ранних русско-калмыцких договоренностях стало предметом выдвижения российской стороной калмыкам целого ряда претензий, связанных с их нарушениями. Начались они, как отмечали сами воеводы, двумя годами ранее: «А со (7)183-го [1675] году той их прежней шерти и договорным статьям от улусных их людей учало быть нарушение: под государские города и остроги войною воровски приходили и людей до смерти побивали, и в полон имали, а иных грабили и конские табуны и животинные стада отгоняли, и учюги разоряли» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 23].

Воеводы настаивали на том, чтобы Аюка и Солом-Церен немедленно провели бы у себя в улусах розыск и «взятых людей и грабежное прислали в Астарахань» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 23]. Они подготовили «ропись» преступлений, совершенных их подвластными калмыками и ногайцами, которая состояла примерно из 22-х статей и была озвучена на съезде. Например, к наиболее серьезным преступлениям можно отнести нападение осенью 1676 г. неких «воровских калмыков» на город Усерд¹, который они захватили обманом, представившись участниками крымского похода К. М. Черкасского, и «многих русских людей порубили» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 5. Л. 23].

Тайши заверили воевод, что по всем выдвинутым обвинениям они обязательно проведут розыск в своих улусах: «и полонеников и грабежное и отгонное сыскав, в Астарахань пришлют, а вором за то учинят наказанье» [Посольские 2024: 207]. Со своей стороны они выдвинули обвинения в адрес донских казаков, которые «самовольством своим многих их калмыцких людей побии и конские и животинные стада поймали» [Посольские 2024: 207]. Тайши просили воевод, чтобы го-

¹ Ранее существовавший город-крепость на слиянии рек Тихая Сосна и Усерд в Белгородской черте, ныне — село Стрелецкое.

сударь отправил на Дон грамоты с запретом на подобные действия, на что получили заверение [Посольские 2024: 207].

Следующим вопросом, в котором стороны быстро пришли к общему консенсусу, был вопрос о продолжении участия калмыков в войне Москвы против Крымского ханства. Аюка и Солом-Церен подтвердили незыблемость ранних договоренностей Дайчина и Мончака с правительством по этому вопросу, напомнив, например, что калмыцкая конница уже успешно участвовала в крымском походе К. М. Черкасского в 1675 г. [Посольские 2024: 208–209].

«Ногайский вопрос» также не остался без внимания. Тайши заверили воевод, что будут «унимать» подвластных им ногайцев от набегов на российских подданных. Они согласились также не препятствовать тем ногайским мирзам, кто добровольно пожелает отойти от калмыков к Астрахани: «тех мурз и их людей в неволе держать и заказу им чинить и грабить их не станут» [Посольские 2024: 210].

Договоренности были достигнуты и по вопросу беглых людей из калмыцких улусов в русские города. В основном это касалось «некрещеных иноземцев», которых русская сторона обязалась выдавать обратно калмыкам или выкупать по 10 рублей за человека, что было серьезным сокращением стоимости по сравнению с предыдущими договоренностями (от 15 до 25 рублей). Калмыцкая сторона также обязывалась выдавать всех русских пленников, бежавших домой через калмыцкие кочевья [Посольские 2024: 210–211].

Не остался в стороне и «башкирский вопрос». Тайши отрицали тот факт, что в калмыцких улусах находятся башкирские люди. При этом они ставили в упрек властям непрекращавшиеся случаи набегов башкир и яицких казаков на калмыцкие владения. Аюка и Солом-Церен просили у воевод содействия в возможно более скором решении этой проблемы. По словам воевод, по всем низовым городам государства действует государев указ: «с их калмыцкими людьми потому ж никаких ссор и задоров чинить не велено и учинен о том заказ крепкой под смертною казною» [Посольские 2024: 212].

Стороны также договорились, что калмыцкая сторона будет посылать в Москву и Астрахань небольшие по численности

делегации: «по человеку и по два, а с ними товарищов по три и по четыре человека» [Посольские 2024: 212]. Тайши согласились и с процедурой приема царских посланников и получения грамот: «нам, тайшам, принимать с великою честью, встав и сняв шапку, и присланных от великого государя и из Астрахани и из иных городов, от бояр и воевод, бесчестья никакова не делать и держать их им у себя с кормами и с честью, и отпускать их без задержанья» [Посольские 2024: 213].

Обговорив все детали текста предстоящей шерти, воеводы приказали ее переписать и внести в шатер уже обновленный проект шерти, которая была зачтена через толмача при Аюке и Солом-Церене. Тайши, выслушав текст документа, взяли у присутствующего своего владетельного человека Алдар-зайсанга статуетку бурхана, молитвенную книгу-бичик и четки и повторили все то, что было записано в шерти. Они подтвердили прежние свои обязательства и согласились с новыми дополненными статьями, включенными в документ. По просьбе астраханских воевод тайши собственноручно «к тому списку руки свои также подписали» [Посольские 2024: 215].

Обращает на себя тот факт, что в посольской книге приводится полный поименный список из 110-ти «родственных и владетельных лутчих улусных людей», также присутствовавших на съезде [Посольские 2024: 241–243]. При заключении шерти 1673 г. также приводился подобный поименный список, но он состоял из 152-х лиц.

После подписания шерти воевода К. О. Щербатов торжественно объявил о внесении в шатер для тайшей жалованья: «шубы и выдры, и сукна, и кожи, и государево жалованье годовое денежное» [Посольские 2024: 215]. Однако Аюка выступил против всеобщей демонстрации государева жалованья: «как улусные ево люди увидят, и ис того государева жалованья им, Аюкаю и Солом Сереню тайшам, достанетца малое что» [Посольские 2024: 215]. Он предложил забрать жалованье на следующий день. Воеводы угостили Аюку, Солом-Церена и других калмыцких владельцев «питьем довольном» [Посольские 2024: 216].

В ходе последующего застолья воеводы предложили тайшам следующую процедуру: «для крепости шерти своей саблю на го-

ловы свои положили и к горлам приложили против прежнего, как было в прошлом во (7)181-м [1673] году при боярине и воеводах, при князе Якове Никитиче Одоевском с товарищи» [Посольские 2024: 216]. Однако тайши, ссылаясь на позднее время, предложили перенести эту процедуру на другой день и сделать это в улусах при большом количестве других калмыцких владельцев и улусных людей. На этом мероприятие, связанное с подписанием шерти, закончилось [Посольские 2024: 216].

Чтобы окончательно завершить все церемониальные процедуры, на следующий день, 16 января 1677 г., воеводы К. О. Щербатов и К. О. Хлопов отправили в калмыцкие улусы дьяка Семена Румянцова, подьячих Василия Кучюкова и Ивана Федорова, толмача Андрея Боброва, а для охраны сотню конных стрельцов под командой сотника Яна Калицкого. В присутствии их и К. М. Черкасского, при огромном стечении калмыцких и ногайских владельцев, в урочище Шертемире Аюка совершил завершающую процедуру: он вынул из ножен свою саблю и передал С. Румянцову. Дьяк, приняв из рук тайши саблю, повернул к нему острием и сказал: «он, Аюкай, в верной своей службе великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, его царскому величеству и его царского величества наследником учинил после шерти своей подкрепление, взяв у него, Семена, ту свою саблю, положил на голову свою и к горлу своему приложил» [Посольские 2024: 221–222].

Аюка, взяв свою саблю у С. Румянцова, говорил: «Буде он, Аюкай, тайша, у великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, у его царского величества и его царского величества у наследников, и улусные люди всех их владений в послушанье быть не учнут, и прежнюю и нынешнюю свою шерть и договорные статьи, как в шертовальной их записи написано, и обещание свое в чемнибудь нарушат, и за те их неустойные и нарушенные статьи у него, Аюкая, и у братьей, и у детей, и у племянников, и у внучат, и у ближних родственников, и владетельных, и улусных людей тою саблею, которую ныне он, Аюкай, на голову свою кладет и к горлу прикладывает, головы их от неприятелей отсечены б

были» [Посольские 2024: 222]. После этого Аюка саблю острой частью приложил к голове и горлу, а затем вложил ее в ножны. По просьбе С. Румянцова эту же процедуру с саблей Аюки повторил и Солом-Церен [Посольские 2024: 222].

После этого Аюка и Солом-Церен обратились к присутствующим калмыцким и ногайским владельцам, напомнив, что они дали шерть не только за себя, но за всех своих людей: «и они б все, видя то, служили и добра хотели великому государю, его царскому величеству и его царского величества наследником верно, безо всякие шатости навеки неотступно» [Посольские 2024: 223].

5. Текст шерти 1677 г.

Яз, Аюкай тайша, да, яз, ево Аюкаев родной брат, Монцак Замса тайша¹, даем шерть за себя и за брата своего родного, Замсу тайшу Меньшова Мончакова, да яз, Солом Серень², за себя и все мы, тайши, за Батыря тайшу и за новоприезжих за Дояна, за Сереня, за Дол, за Баушея, за Аюкая Шарاپова тайшей, которые после договору (7)181-го [1673] году приехали вновь кочевать, и за братью, и за детей, и за племянников, и за внучат, и за нагайских, и за едисанских³, и за енбулукских⁴, и за малибашских⁵, и за

¹ Монцак (Пунцуг) — второй правитель в Калмыцком ханстве, отец хана Аюки.

² Солом-Церен (Солом Серень) — главный владелец Дербетского улуса в составе Калмыцкого ханства, глава всех волжских калмыков-дербетов. Младший сын дербетского тайши Далай-Батура (ум. в 1637 г.). Во время русско-польской войны 1654–1667 гг. вместе с отцом Аюки, тайшой Мончаком, участвовал в войне против Крымского ханства, что подтверждается союзным русско-калмыцким «шертным» договором от 8 июня 1661 г.

³ Едисанские ногайцы присоединились к калмыкам в 1643 г., главой которых в этот период выступал мирза Сююнча Абдулов (Сууниш Абдула улы).

⁴ Джемболукские ногайцы — ногайское родоплеменное объединение, ранее входившее в состав едисанских ногайцев, но затем обособившееся в отдельный улус со своими мирзами. Присоединились к калмыкам на рубеже 1620–1630-х гг.

⁵ Малибаши — ногайское родоплеменное объединение, ранее входившее в состав едисанских ногайцев, но затем обособившееся в отдельный улус со своими мирзами, во главе которых в XVII в. стояли Аксак Кель-Мухаммед и

келечинских¹ мурз, и за их детей, и за племянников, и за внучат, и за улусных людей, за калмык и за татар, всех наших владеней, которые кочуют с нами, тайши, на вечное и верное подданство великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, и многих государств и земель восточных и западных и северных отчию и дедичю, и наследнику, и государю, и обладателю, его царскому величеству и его царского величества наследником, на том: что мне, Аюкаю тайше, и нам, братьям ево, Монцаку Замсе тайше и Замсе тайше Мончаковым, и Солом Сереню, и Батырю тайшам, и новоприезжим выше писанным тайшам, и детям и племянником, и внучатом, и всем калмыцким родственным владетельным улусным нашим людем, и нагайским, и едисанским, и енбулуцким, и малибашским, и келечинским мурзам, и их детям, и братьям, и племянником, и внучатом, и всяким улусным людем всех наших владеней у него, великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, у его царского величества, и его царского величества у наследников, быть под самодержавною их государскою высокою рукою в вечном подданстве навеки неотступным, и ему, великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, его царскому величеству и его царского величества наследником служить и во всем всякого добра хотети, и его го-

его сын Султан-Ахмед (Султанаш). В 1640-е гг. малибашские мирзы присоединились к калмыкам, но вскоре с 5 тыс. кибиток откочевали на Терек, под Тарки и Эндери. В 1660 г. под давлением калмыцких тайшей они вынуждены были вернуться с Терека на Волгу. В 1669 г. малибаши вместе с двумя мятежными калмыцкими тайшами Дугаром и Боком откочевали под турецкий Азов. В дальнейшем ногайцы-малибаши неоднократно мигрировали между калмыцкими кочевьями и территорией Крымского ханства.

¹ Келечинские ногайцы — ногайское родоплеменное объединение, ранее входившее в состав едисанских ногайцев, но затем обособившееся в отдельный улус со своими отдельными мирзами. В начале 1660-х гг. находились в подчинении у калмыцкого тайши Манжи-Джалбо, старшего внука хана Аюки. Позже, как и все ногайские улусы, находились в подчинении у Чак-дорджаба, старшего сына Аюки.

сударское повеление во всем исполняти, и договорные свои прежние статьи по шертовальной своей записи содержати нам так, как мы шертовали под Астараханью в прошлом во (7)181-м [1673] году при боярине и воеводах, при князе Якове Никитиче Одоевском с товарищи, и как мы по той своей шерти служили и всякого добра хотели отцу его государеву, блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Алексею Михалойвичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, так же и ныне мы, тайши, за себя и за всех вышеписанных тайшей и за братью свою, и за детей, и за племянников, и за внучат, и за всех улусных своих людей, всех своих владеней, тое свою прежнюю шерть и обещание подкрепляем. А на новых своих договорных статьях, которые статьи мы в нынешнем во (7)185-м [1677] году генваря в 15 день под Астараханью, за рекою Волгою, на прежнем месте по указу великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, с окольничим и воеводами, со князем Костянтином Осиповичем Щербатово, да з думным дворянином с Кирилом Осиповичем Хлоповым, да з дьяки с Семеном Румянцовым, с Алексеем Симоновым договорились и шертуем по своей калмыцкой вере, и поклоняемся, и целуем бога своего бурхана и молитвенную свою книгу, бичик, и чотки, а саблю на головы свои кладем и к горлом прикладываем на съезде при окольничем и воеводах, при князе Костянине Осиповиче Щербатово с товарищи на том, что великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, его царскому величеству и его царского величества наследником, мне, Аюкаю, и нам всем тайшам самим и братьям и племянником и внучатом, и улусным нашим калмыцким людем, и мурзам, и их братьям, и племянником, и улусным их людем, всех наших владеней, служить верою и правдою и во всем великого добра хотети и искати, и его государское повеление во всем исполняти, и договорные статьи, прежние и нынешние, содержати нам безо всякие противности, и его государских на недругов и на непослушников, на кого его государское повеление будет, войною нам ходить, как он, великий государь, повелит. А под его ни под которые города и никото-

рых городов в уезды нам самим и улусным нашим никаким человеком войною не ходить, и дурна никакова и задоров не чинить, и жить с его государскими людьми в миру и в совете, и быть у великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца, его царского величества, и его царского величества у наследников под самодержавною их государскою высокою рукою мне, Аюкаю, и нам, Замсам и Солом Сереню, и Батырю, и новоприезжим тайшам, и мурзам, и братьям, и племянником, и всем нашим калмыцким людям и татаром в вечном подданстве и в послушанье навеки неотступным, и ему, великому государю, его царскому величеству, и его царского величества наследником всякого добра хотети и никогда нам от него, великого государя, от его царского величества, и его царского величества наследников отступным не быть и служить нам ему, великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, его царскому величеству, и его царского величества наследником во всем в правду безо всякие шатости и хитрости, и с его государскими непослушниками и с изменниками ни с кем ни о чем не ссылатца и за них не стоять.

А буде ис Крыму или из ыных ис которых государств к нам, тайшам, будут присланы послы и посланники, и посланные или листы чрез каких нибудь людей для каких ни есть дел, и нам о тех присланных писать и те присланные письма посылать к великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, к его царскому величеству к Москве или в Астрахань, к боярам и воеводам, безо всякого мотчанья, и тех послов и посланников и присланных в государстве их без указа великого государя, хто откуда приедет, не отпускать, и против тех присланных листов не писать; а отпускать их и листы писать с его государского повеления, как он, великий государь, укажет. А есть ли указ великого государя его царского величества к нам будет о присылке тех послов и посланников и посланных к Москве, к нему, великому государю, или в Астрахань к боярам и воеводам, и нам его великого государя указ исполнять, к Москве или в Астрахань тех послов и посланников и присланных посылать с своими посланными.

А к его великого государя отчине, к Астрахани, и под его государские ни под которые города и уезды и на проезжих людей и которые бывают в посылках и на рыбных ловлях, и на звериных, и на иных всяких промыслах, войною нам, тайшам, и всем улусным нашим людям и мурзам, и их детям и племянником, и внучатом, и улусным людям не ходить, также и на нагайские, и на едисанские, и на юртовские¹, и на енбулуцкие улусы, которые служат великому государю, его царскому величеству, не ходить и их конские и животинные атары не отгонять, и никово не посылать, и городов и сел и деревень и учюгов не жечь, и никакова разоренья не чинить, и людей не побивать, и в полон не имать, и не грабить, и никакова зла не делать и не мыслить некоторыми делами, по прежней и по сей нынешней нашей шерти и обещанию, так же как в прошлых годах отцу ево государеву, блаженные памяти, великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, служил наш Аюкаив и Замс тайшей отец, Мончак тайша, во всем его царского величества повеление исполнял безо всякие шатости.

А что в прошлых во (7)183-м [1675] и во (7)184-м [1676] и в нынешнем во (7)185-м [1677] годах наши калмыцкие улусные люди и нагайские, и едисанские, и енбулуцкие татаровя прежнюю нашу шерть нарушали великого государя его царского величества разных чинов людям убийство и грабежи чинили, и в полон имали, и учуги² разоряли, и про то про все нам, тайшам, в улусех своих розыскать по росписи, какову мы, тайши, ныне на договорех роспись тому разоренью приняли; и, сыскав полонеников и грабежное, прислать в Астрахань, а вором за то учинить наказание.

А где великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец, его цар-

¹ Юртовские татары — этническая группа в составе астраханских татар и одновременно близкая к ногайцам. В XVII в. под этим этнонимом обозначали служилое тюркское население Астраханского края, куда входили также и ногайцы.

² Учуги — деревянные перегородки, устанавливавшиеся по ломанной линии поперек реки на поверхности воды. Служили средством ловли крупной рыбы, идущей вверх по Волге на нерест.

ское величество, укажет быть нам, калмыцким тайшам и мурзам, и улусным нашим людям, калмыком и татаром на своей великого государя службе одним или с своими великого государя ратными людьми вместе и нам, тайшам, и улусным нашим калмыцким людям и мурзам и их улусным людям великого государя с ызменники и с непослушники на боех битца до смерти, не щедя голов своих; а ему, великому государю, царю и великому князю Федору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, его царскому величеству и его царского величества наследником, не изменить и его государских ратных людей на боех не подать и хитрости над ними никакие не учинить, и стоять з государскими людьми за одно, и с турским салтаном и с крымским ханом и с азовским беєм, и с темрюки¹, и с табаны², и с бесленейцы³, и с кумыки и иных разных вер с ынозем-

¹ Темрюк — турецкая крепость на Кубани, которая была заложена в 1515–1516 гг. во время правления султана Селима I Страшного (1512–1520), но завершена в правление его сына Сулеймана I Великолепного (1520–1566). Темрюк представлял собой четырехугольную крепость, с четырьмя башнями на каждом углу. Располагался на низкой и песчаной местности. Внутри крепости были построены дома, крытые землей. В ней размещался постоянный гарнизон турецких янычар и числилось несколько тысяч жителей. На рубеже XVI–XVII вв. в крепости имелось 70–80 пушек, 2 мечети, 12–15 торговых лавок. Население крепости составляли черкесы, турки, греки, евреи, армяне.

² Табан — под этим названием местности, скорее всего, подразумевается полуостров Тамань, на адыгском (черкесском) звучит «Темэн», что в переводе означает — «болото, плавни, топь». Здесь проживали таманские черкесы из племени хетук (адыг. *хытыку*), самоназвание которых переводится как «морской угол, место». Крымские татары называли их «адале», что в переводе означает «островитяне». В XVII–XVIII вв. на Тамани находились османская крепость Хункала, затем — Таман. Таманские черкесы были часто вынуждены принимать участие в военных мероприятиях османов и крымцев, поэтому для Московского государства они входили в число «неприятелей», с которыми калмыки не должны были иметь контактов.

³ Бесленейцы, бесленевцы — субэтническая группа адыгов, исторически занимавшее промежуточное положение между западными адыгами и восточными кабардинцами. Ныне проживают в Карачаево-Черкесии, Адыгее и Краснодарском крае.

цы, которые ему, великому государю, непослушны, нам, тайшам, и братьям, и детям, и племянником, и внучатом, и улусным нашим калмыцким людям, и мурзам, и их детям, и племянником, и улусным людям в ссылке и в соединенье и в миру не быть, и ружьем и лошадми их не ссужать, и людей в помощь не давать. А буде калмыцкие люди наши улусные люди и нагайские и едисанские, и енбулцкие мурзы и их улусные люди, которые кочуют у нас, тайшей, в улусех, учнут, тайно отъезжая, воровать и его государских людей побивать и в полон имать, и нам, тайшам, их от воровства унимать и за те вины разорить их безо всяких отговоров.

А которые нагайские и едисанские и енбулцкие мурзы и татаровя в прошлых годах изменили великим государем, блаженные памяти, деду его государеву, великому государю, царю и великому князю Михайлу Федоровичю, всеа России самодержцу, и отцу его государеву, блаженные ж памяти, великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, ис под отчины их великих государей, Астарахани, отошли к нам, тайшам, в калмыцкие улусы, а похотят ныне впредь быть у великого государя, царя и великого князя Федора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца, у его царского величества и его царского величества у наследников, под самодержавною их государскою высокою рукою в вечном холопстве по прежнему и кочевать под Астараханью. И мне, Аюкаю, и всем нам, тайшам и мурзам, в неволю их у себя не держать и не грабить, и отпустить их в Астарахань, и впредь к себе в улусы вечных великого государя холопей, нагайских и едисанских и келчинских и юртовских и енбулцких мурз и татар от Астарахани и от иных великого государя городов не призывать, и собою хто придет, нам не принимать и отсылать их в Астарахань. А которые русские люди, и грузинцы, и белорусцы, и волохи, и муляны⁴ православные христианские веры учнут из улусов наших уходить в города царского величества, и ис тех людей за сысканных полонников, православные христианские веры хто сыскан будет, мне, Аюкаю, и всем тайшам и мурзам и улусным нашим людям по

⁴ Мутвяны (мунтяне) — жители восточной части Валахии, Мунтении (Muntenia; от рум. *munteni* 'горцы', *munte* 'гора').

рописям окуп принимать по указу великого государя, его царского величества и по нынешнему нашему новому договору, как мы ныне договорились и в статьях положили; а которые полоненики по росписям не сыщутца, и за тех окупу нам не спрашивать.

А буде которые калмыки по своим желательством в православную христианскую веру крестятца, и тех для православные христианские веры нам, тайшам, и улусным нашим людям не просить и об них великому государю не бить челом. А некрещеных калмыков и татар наших улусов, которые учнут уходить в города царского величества, и тех беглецов некрещеных отдавать нам назад.

Также и мне, Аюкаю, и всем тайшам полонеников царского величества городов православные христианские веры и иноверцов, которые учнут уходить из Бухар и из Юргенч и ис Хивы и из иных владений на наши калмыцкие улусы, а из наших бы улусов пройти им в города великого государя его царского величества и тех полонеников мне, Аюкаю, и всем тайшам и братьям, и детям, и племянником, и внучатом, и улусным их людям, и мурзам и их детям, и племянником, и внучатом и улусным всех наших владений не задерживать и отпускать их в города царского величества. И в улусех заказ о том учинить накрепкой: которые полоненики городов великого государя, его царского величества русские люди и иноверцы и ныне сыщутца в калмыцких улусех, и тех отослать в города ж царского величества; а будет объявятца у нас в улусех башкирцы, и нам, тайшам, их отпустить потому ж в города царского величества.

А которые посыльщики по указу великого государя, его царского величества присланы будут с Москвы ко мне, Аюкаю тайше, з грамоты от него, великого государя, и мне, Аюкаю тайше, те ево великого государя грамоты принимать, встав и сняв шапку, с великою честью; также которые присланы будут о делех великого государя с листами из Астрахани и из иных городов, от бояр и воевод, и мне, Аюкаю, и всем тайшам и улусным нашим людям, калмыком, и мурзам и татаром, которые с нами кочуют, тем присланным бещестья никакова не делать и не грабить, и тесноты им у себя не чинить, и держать их с кормами и с честью, и отпускать их безо всякого задержанья. А как нам, тайшам, прилучитца послать сво-

их людей к великому государю, к Москве, с какими делы или бить челом ему, великому государю, его царскому величеству, и нам посылать немногих людей; а в Астрахань к бояром и воеводам о всяких своих делах посылати потому ж немногих людей.

А с рускими людьми и с ыноземцы под Астраханью нам торговать, против прежнего великого государя указу, безо всяких ссор и задоров; а к Москве в ардабазарных¹ станицах для продажи посылать нам, тайшам, с улусными своими людьми, перед прошлыми годами, многие лошади прежню дорогою на Танбов, на Касимов, на Володимер.

А буде великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, его царское величество, нам, Аюкаю и Замсам, и Солом Сереню, и Батырю, и новоприезжим тайшам и братьям, и племянником, и улусным нашим людям, и мурзам, и улусным их людям укажит идти на свою великого государя службу на Крым и на крымские улусы или куды его государское повеление будет, и нам всем тайшам и улусным нашим людям и мурзам и их улусным людям на Крым и на крымские улусы и на иных его царского величества непослушников ходити безо всякого мотчанья, и поиски и промыслы чинить, сколько милосердый господь бог помощи подаст.

А великого государя годовое денежное жалованье имать мне, Аюкаю, и всем тайшам, против прежнего великого государя указу, по пятисот по девяносту рублей на год; а есть ли приедут служить великому государю, его царскому величеству, а к нам, тайшам, в улусы откуда вновь тайши ж с улусными людьми кочевать, и им быть с нами в том же окладе, в государеве жалованье, в пятистах в девяносте рублех.

А буде я, Аюкай, и все тайши и ближние наши родственные и владетельные улусные калмыцкие люди и мурзы, и их братья, и дети, и племянники и улусные люди великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, его царскому величеству и его царского величества наследником, служить и радети и прямити и добра хотети не учнем или сверх годового жалованья вышеписанного числа учнем

¹ Ордабазарные станицы — конские табуны, регулярно пригонявшиеся калмыками или ногайцами на продажу в Москву.

о прибавке великому государю бить челом или в чемнибудь как в сей шертовальной записи написано не устоим или с турским салтаном и с кизылбашским шахом, и с крымским ханом, и с азовским беем, и с кумыки, и с темрюки, и с табаны, и з бесленейцы, и с ыными иноземцы разных вер, с его великого государя непослушники, учнем ссылатца и быть в соединенье, или ружьем или лошадми учнем их ссужать и людей в помощь давать, или у него, великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, к его царского величества и его царского величества у наследников, в послушанье быть не учнем и прежнюю и нынешнюю свою шерть и договорные статьи, как в сей записи написаны, и обещание свое в чемнибудь нарушим: и за те наши неустойные и нарушенные статьи на мне, Аюкае, и на нас на всех тайшах и на братьях, и на детех, и на племянниках, и на внучатах, и на ближних родственниках и на владетельных и улусных людех всех наших владений буди божий гнев и огненный меч, и тое саблюю, которою ныне я, Аюкай, и Замса и Солом Серень тайши, выняв из ножен, на головы свои кладем и к горлом прикладываем, голов наши от неприятелей наших отсечены б были и будем прокляты по своей калмыцкой вере в сем веце и в будущем [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 1–1об.; ПСЗРИ 1830: 80–81; Посольские 2024: 232–241].

6. Выводы

Из материалов мы видим, что заключение договора в 1677 г., как и в 1673 г., происходило в атмосфере напряженности и

недоверия с обеих сторон. Тайши неоднократно требовали от воеводы К. О. Щербатова сократить караул и отдалить его от шатра, где предполагалось проведение переговоров.

Если в шерти 1673 г. главными гарантами с калмыцкой стороны вместе с Аюкой выступали его двоюродные братья Назар-Мамут и Мелеш, то в начальной формулировке шерти 1677 г., помимо Аюки, значатся его родной брат Ике-Замса и дербетский тайша Солом-Церен. По мнению В. И. Колесника, это означало стабилизацию политической ситуации в улусах, хотя в какой-то степени верховную власть Аюке пришлось делить с братьями [Колесник 2003: 104]. Кроме того, становятся известны имена тех тайшей, кто присоединился к волжским калмыкам уже после 1673 г.

Как видно из текста, шерть 1677 г. во многом повторяла основные принципы шерти 1673 г. В. М. Бакунин в своей работе одним из первых отметил отличия шертей 1673 и 1677 гг. [Бакунин 1995: 25–26]. Поэтому здесь стоит обратить внимание на те моменты, которые впервые встречаются в документе 1677 г.: во-первых, значительно ущемлялись внешнеполитические связи тайшей, которые обязывались передавать в царскую администрацию все письма, присылаемые им из других государств, а иностранных послов задерживать и отправлять в Москву или Астрахань; во-вторых, всех захваченных в полон русских людей в 1675–1677 гг. тайши обязывались вернуть, а виновных наказывать; в-третьих, более четко были сформулированы протокольные условия приема Аюкой царских посланников и письменных посланий.

Источники

Посольские 2024 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1675–1677, 1683–1684 гг. Сб. док. / сост., авт. предисл. В. Т. Тепкеев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. 372 с.

Sources

Complete Collection of Laws of the Russian Empire: From the Year 1649. Vol. 2. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1830. 974. (In Russ.)
Russian State Archive of Ancient Acts.

ПСЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 2. СПб.: тип. II отд. Собств. Е. И. В. канц., 1830. 974 с.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Tepkeev V. T. (comp.) Russia and Kalmyk Khanate, 1675–1677, 1683–1684: Ambassadorial Books. Collected documents. V. Tepkeev (foreword). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2024. 372 p. (In Russ.)

Литература

- Акты 1842 — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. 1645–1676. Т. 4. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1842. 604 с.
- Акты 1882 — Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 12. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1882. 480 с.
- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 2-е изд. 158 с.
- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2-х книгах. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Тепкеев 2010 — *Тепкеев В. Т.* Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1673 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 45–51.
- Тепкеев 2011 — *Тепкеев В. Т.* Первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в начале 30-х годов XVII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 11–16.
- Тепкеев 2013 — *Тепкеев В. Т.* Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1657 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 5–9.
- Resettlement of Kalmyks from Central Asia to East Europe and Backwards in the Seventeenth and Eighteenth Centuries Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 286 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System: Seventeenth to Twentieth Centuries. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. First contacts of Kalmyks with public authorities and population of Astrakhan in the beginning of the 30-s of XVII century. *Oriental Studies*. 2011. Vol. 4. No. 2. Pp. 11–16. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Russian-Kalmyk negotiations and the «Shert» of 1657. *Oriental Studies*. 2013. Vol. 6. No. 4. Pp. 5–9. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Russian-Kalmyk negotiations and the shert' of 1673. *Oriental Studies*. 2010. Vol. 3. No. 1. Pp. 45–51. (In Russ.)

References

- Acts Dealing with the History of Southern and Western Russia Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 12. St. Petersburg: Panteleev Brothers, 1882. 480 p. (In Russ.)
- Acts of History Collected and Published by the Archaeographic Commission: 1645–1676. Vol. 4. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1842. 604 p. (In Russ.)
- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. Second edition. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 158 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Kalmyks in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Events, Personalities, Everyday Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. The Last Great Migration:

